

риться съ положеніемъ подобнымъ не могъ. И когда бывалъ трезвъ (что, при данныхъ условіяхъ, являлось почти невозможнымъ ни съ физической, ни съ нравственной стороны),—тогда мною овладѣвало отчаянне.

— А ты бы написалъ письмо къ Толстому!..—посоветовалъ мнѣ какъ-то одинъ изъ братьевъ-граверовъ.— Вѣдь онъ всёмъ помогаетъ... Ну, а ты какъ-никакъ писатель... Мыслете пишешь!—пошутилъ онъ.

„А почему бы мнѣ, и въ самомъ дѣлѣ, не обратиться къ Толстому?.. Можетъ-быть, съ его помощью я и правлюсь какъ-нибудь!..“

Такъ подумалъ я и тотчасъ же усомнился.

— Эхъ, гдѣ ужъ тутъ поправиться, когда до свиного состоянія дошелъ!..

Но письмо къ Толстому, невзирая на этотъ пессимизмъ, я все-таки написалъ.

И каковы же были удивленіе и радость съ моей стороны, когда скорость отвѣта на мое скорбное посланіе превзошла всякія ожиданія!.. Сегодня, положимъ, я опустилъ въ почтовый ящикъ письмо, а послѣзавтра Левъ Николаевичъ уже былъ въ моемъ логовищѣ. Повторяю—„логовищѣ“, а не на квартирѣ, потому что мое тогдашнее мѣстопробываніе ничего общаго съ послѣдней не имѣло. Жилъ же я въ то время на Арбатѣ, въ Песковскомъ переулкѣ, на задворкахъ грязнаго извозчичьяго двора. И сюда-то не замедлилъ явиться „великій писатель земли русской“!..

Вотъ какъ это случилось.

Было морозное зимнее утро, когда наружная дверь издавала, по обыкновенію, невозможный скрипъ и на порогъ показался высокій, плотный старикъ, въ поношенномъ драповомъ пальто и мягкой шапочкѣ. Одѣяніе настолько скромное, что никто бы, кажется, на первый взглядъ не заподозрилъ бы въ пришедшемъ „самого графа Толстого“. По крайней мѣрѣ, хозяинъ-сапожникъ, сидѣвшій въ это время на липкѣ *) за работой, на вопросъ Льва Николаевича: „Тутъ живетъ корректоръ Сергѣй Семеновичъ?“, смѣясь отвѣтилъ:

*) Низенькій, толстый боченокъ безъ дна, вмѣсто котораго натянута холстина.